

К 100-летию со дня рождения Бориса ПАСТЕРНАКА

Кашино, Московское уездное — Киев. — 1990. — 9 февр.

«Дней рождения своих он не признавал. Считал их датами траура. Запрещал поздравлять. Я исхитрялся принести ему цветы накануне или днем позже — 9-го или 11-го, не нарушая буквы «запрета».

Это цитата из «Мне четырнадцать лет...» — воспоминаний Андрея Воз-

несенского о Борисе Леонидовиче Пастернаке. Так получилось, что не нарушим буквы запрета и мы. Ведь завтра, в субботу, «КЗ» не выходит. А именно завтра — 10 февраля 1990 года — исполняется 100 лет со дня рождения великого русского поэта Бориса Пастернака.

К НЕМУ ПРИХОДЯТ трудно и по-разному. Вернее, не приходят, а отправляются в дорогу к нему. И далеко не всем удается дойти... Кто-то открывает томик его стихов из любви к поэзии. Но большинство — совсем по другим причинам: одни строго следуют заранее составленному списку для самообразования, другие, исполняя «обряд» (интеллектуально положено читать и знать Пастернака), третьих — привлекает ореол опальности вокруг имени «юродивого», которого даже всесоюзный наш людоед, по преданию, якобы велел не трогать.

«Не трогайте этого юродивого!» — сколько раз могли бы повторить эту фразу те, для кого норма, «неюродивость» — сладострастная готовность смотреть на мир «официально утвержденным» взглядом. Сколько раз отступались от непонятных с наскоку строчек те, чей вкус испорчен железобетонными постулатами соцреализма или безмозглыми текстами шлягеров. Но если не начинать гордиться собственной невежественностью, неумением чувствовать (что, увы, случается не так уж редко), если не оставлять попыток, вдруг да и прорвет плотину непони-

мания. Спрессованная до генерального консонанса строка — явит всю мощь сконцентрированного в ней чувства. И тот, кому посчастливится пережить такой миг, наверняка запомнит его как один из самых значительных в своей жизни.

У него было и остается много подражателей. Усталые литконсультанты газет и журналов называют поток виршей «под Пастернака» — пастернакипы. Метко, но не уничтожительно. Ведь то, кому подражаешь, тоже о чем-то говорит — о вкусе, к примеру... Другое дело — судьбу не примеришь. Юношеские метания — живопись, музыка, философия. Искреннее и, к счастью, неутоленное стремление соответствовать веку, его абсурду — «соцзаказовской» литературе. Неутоленное, по причине «всего лишь» гениальности, не зависящей от самого поэта аллергии к любому конформизму. И, наконец, жестокая травля после выхода на Западе «Доктора Живаго», после присуждения Нобелевской премии.

Ему угрожали высылкой из страны. И Пастернак писал Хрущеву: «Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей судьбы от-

дельно и вне ее.. Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не применять ко мне этой крайней меры». Так обращался написавший «Снег идет» к стучавшему ботинком по трибуне...

**«Снег идет, густой-густой
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью
той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит
время!»**

Не знаю более русских строк в великой русской поэзии. Несмотря на то, что нет в них ни географических названий, ни примет быта, а снег идет — и в Канаде, и в Финляндии, и в Японии...

То, что публицистика ходит сейчас в лидерах среди литературных жанров, вообще-то ненормально. Этому есть только одно оправдание: в очень уж крутом прорыве оказалась обманутая, разоренная, раздираемая конфликтами страна. Слишком уж о многом нужно рассказать.

Это чувствуется, это витает в воздухе: вот-вот наступит момент, когда публицистика уйдет с первых позиций, займет важное, почетное, но — ей соответствующее место в

умах людей. Не потому, что они устали от разоблачений и тревожных прогнозов (если кто устал — придется потерпеть). Просто пора вспомнить о духе, о душе. Пришло время усомниться в том, что будущее можно построить, его можно только взрастить. А садовник, не ценящий красоты, не понимающий гармонии, при всем своем знании — не садовник.

Поэзия — это золотой за-

пас национальной культуры. Как бы ни были девальвированы слова, с нее всегда можно начать возрождение духа.

Хватит, однако, разговоров, пора дать слово стихам. Их печатали множество раз почти во всех странах цивилизованного мира. Но, может быть, для кого-то из вас именно с них и начнется Борис Пастернак.